

*ШАШКОВА Валентина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. 2 коллективных монографий, 5 учебных пособий и 1 учебно-практического пособия\**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0977-3061>

### **СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В ТЕКСТАХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ**

Статья посвящена выявлению специфики функционирования наречий в текстах нормативных правовых актов. В основе исследования лежит тезис о том, что сфера общения, которую обслуживают тексты анализируемого профиля, предопределяет их языковые черты. Наречные модификаторы, являясь типовым средством выражения оценочных значений, обнаруживают устойчивые корреляции с типом дискурса и жанром текста. По результатам исследования сделан вывод о том, что в юридической сфере общения для текстов нормативных правовых актов дискурсивно специфическими модификаторами выступают наречия со значением нормативной оценки, наречия со значением времени, наречия с собственно модальными значениями, среди которых доминируют наречия с различными подзначениями достоверности, а также наречия, выражающие интеллектуальные оценки. Среди класса семантически разнородных наречий интеллектуальной оценки были выделены микрогруппы наречий со значением силы/интенсивности признака или действия, значением оценки положения вещей и наречия, выражающие оценку по шкале важности. Анализ позволил сделать заключение о том, что общие классы наречий, которые представлены в Уголовном кодексе Российской Федерации и Примерном уголовном кодексе США, идентичны, однако в пределах подразрядов значений и наречий, их выражающих, были выделены несовпадения. Так, необходимость неоднократно актуализируется посредством наречия в Примерном уголовном кодексе США, тогда как в Уголовном кодексе Российской Федерации ни одного примера подобного рода выявлено не было. В ходе исследования была также обнаружена избирательность наречий в плане сочетаемостных свойств, проявляющаяся в комбинаторной закреплённости наречных лексем за глаголами. В совокупности названные свойства могут быть ориентирами для исследователя, специализирующегося в анализе речевого функционирования рассматриваемого класса лексем и комплексных номинативов в разных жанрах юридического дискурса.

**Ключевые слова:** Уголовный кодекс РФ, Примерный уголовный кодекс США, нормативный правовой акт, юридический дискурс, наречный модификатор.

---

\*Адрес: 203027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2; e-mail: valentina.shash@mail.ru

**Для цитирования:** Шашкова В.Н. Специфика функционирования наречий в текстах нормативных правовых актов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 3. С. 41–47. DOI: 10.37482/2227-6564-V018

Дискурсивная парадигма в подходах к анализу текстов в качестве одного из направлений исследования обращается к анализу специфики функционирования языковых средств в рамках определенной сферы коммуникации с учетом параметров дискурса, а также специфики жанра, предопределяющей стиливое оформление текстов. В этом смысле изучение наречий в текстах юридического дискурса, когда обстоятельства уголовного дела, выражаемые наречиями и наречными сочетаниями, предопределяют состав преступления и соответствующее наказание, не теряет своей актуальности. Такое исследование может дополнить квалификацию нормативных правовых актов как особого жанра юридического дискурса информацией о тенденциях выражения обстоятельственных значений разных категорий посредством наречий.

Материалом для настоящей статьи послужили Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [1], а также Примерный уголовный кодекс Соединенных Штатов Америки (The Model Penal Code of the USA – MPC) [2].

В рамках данной работы мы осветим лишь начальный этап исследования функционирования наречий в текстах юридического дискурса и для этого остановимся на выявлении семантических разрядов наречий, которые находят регулярное выражение в нормативных правовых актах, и на специфике их синтагматических связей, которую можно выделить на материале рассматриваемых текстов.

Вопрос о семантической классификации наречий до сих пор остается нерешенным, несмотря на активный интерес исследователей к этой проблематике. «Сложная, нелинейная семантическая организация наречий, широкий набор выполняемых ими функций, тесная связь с другими частями речи объясняет неоднозначность и дискуссионность данного вопроса» [3, с. 130]. Для того чтобы выделить семантические классы наречий, преобладающие в текстах нормативных правовых актов, мы обратимся к существующим классификациям слов наречной семантики.

Одной из наиболее известных является классификация, зафиксированная в «Русской грамматике», в соответствии с которой все наречия делятся на *определятельные* («собственно-характеризующие» в терминологии Н.Ю. Шведовой [4]) и *обстоятельственные*. В свою очередь, определятельные наречия включают в себя подвид качественных наречий, представленных наречиями образа действия, и подвид количественных наречий, представленных наречиями меры и степени. Обстоятельственные наречия включают в себя типовые функционально-семантические классы слов, реализующих в предложении функции соответствующих обстоятельств. Речь идет о наречиях места, времени, причины, цели. Эта классификация не учитывает семантический потенциал наречий, касающийся выражения разных типов значений: значения пропозициональных циркумстантов и модальных значений, которые могут как актуализироваться внутри пропозиции, так и накладываться на нее в виде модально-коммуникативной рамки. Уточним, что мы дифференцируем понятия коммуникативной интенции и модальности высказывания, но признаем, что они тесно коррелируют друг с другом и обуславливают друг друга как два аспекта функциональной семантики высказывания, именно поэтому мы используем понятие «модально-коммуникативная рамка».

Ф.И. Панков отмечает, что помимо собственно сложности выделения четких семантических классов, которое осложняется наличием пересекающихся периферий соответствующих микрополей, функциональная роль наречных модификаторов в коммуникативном пространстве текста часто принадлежит комплексным номинативным единицам, даже не содержащим наречия в своем составе [5, с. 32]. Ф.И. Панков разделяет все наречия в русском языке на две большие группы: *полнозначные* (диктумные) и *неполнозначные* (строевые, модальные в широком смысле), которые далее подлежат более подробной категоризации по целому ряду параметров [5, с. 40–46]. Для нас в этой концепции принципиально важна различ-

ная роль наречий в функциональной семантике высказывания – в соответствии с ней выделены их семантические разряды. Так, среди полнозначных наречий дифференцированно рассмотрены характеристические и ситуационные наречия, включающие классы наречий времени, места, причины, цели и др. [5, с. 40–42]. В группе характеристических противопоставлены наречия, именующие объективные признаки (наречия образа действия и состояния), а также оценочные наречия, именующие субъективные признаки [5, с. 40–41].

В этом отношении нельзя не отметить комплексный характер разграничения типов оценки. Мы придерживаемся фундаментальной классификации, разработанной Н.Д. Арутюновой, в соответствии с которой все оценочные значения распадаются на общеоценочные в рамках аксиологической шкалы «хорошо – плохо» и на частнооценочные, допускающие дальнейшую категоризацию по семантическому критерию. Например, среди частнооценочных значений автор выделяет *сенсорно-вкусовые, психологические оценки, распадающиеся на интеллектуальные оценки и эмоциональные оценки, эстетические оценки, этические оценки, утилитарные оценки, нормативные оценки, телеологические оценки* [6, с. 188–200]. Интеллектуальные оценки при этом представляют собой самую гетерогенную группу, поэтому мы выделили в данной группе следующие подзначения: «...оценка силы проявления/интенсивности признака, оценка степени превосходства, оценка степени важности, оценка степени сложности, оценка степени новизны/известности, оценка вреда/угрозы/отрицательных последствий чего-либо, оценка определенного отношения к чему-либо и/или положения вещей» [7, с. 163–164].

Сопоставляя данные, отметим, что в классификации Ф.И. Панкова неполнозначительные наречия рассматриваются сквозь призму собственно модальных значений. Речь, в частности, идет о наречиях с модальными значениями оценки возможности, оценки необходимости, оценки желательности, а также о

«наречиях персуазивности» и наречиях, служащих средством выражения уверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

Ситуационные, или дейктические, наречия «не дают определенных пространственных или временных ориентиров событий или действий, а лишь указывают на них относительно субъекта речевого акта» [8, с. 5]. В отличие от протоколов, фиксирующих процессуальные действия сотрудников органов внутренних дел, в нормативных правовых документах, таких как кодексы, наречия этого типа не имеют широкой представленности.

С опорой на фундаментальный тезис нашего исследования, согласно которому оценочность является одним из дискурсивно обусловленных признаков текста, мы обратились к анализу функционирования наречий в нормативных правовых актах, чтобы определить наиболее частотные лексемы, относящиеся к языковому пласту наречий, в семантике которых наличествует оценка разных типов.

Сфера коммуникации не только оказывает влияние на реализующиеся в ней жанры текста, но также обуславливает выбор языковых средств, формирующих «тематический репертуар» [9, с. 52] данной сферы. Именно поэтому высокую плотность актуализации наречий со значением нормативной оценки в анализируемых текстах можно с уверенностью отнести к дискурсивно специфичным характеристикам текстов. Например: *незаконно перемещенные денежные средства* (ст. 46.2), *незаконно изготовленные избирательные бюллетени* (ст. 142.3), *незаконно заготовленная древесина* (ст. 191.1), *незаконно перемещенные денежные инструменты* (ст. 200.1). В УК РФ, как показывают примеры, для выражения нормативных оценок используется лишь одно наречие, которое модифицирует причастия.

В МРС лексическая и синтаксическая вариативность актуализации нормативных оценок шире. Например: 1) *legally accountable* (art. 2), *legally competent* (art. 3), *legally immaterial* (art. 2), *legally privileged* (art. 210), *legally obliged* (art. 240), *legally obligated* (art. 230), *legally required* (art. 224); 2) *to legally constitute an*

*offense* (art. 2); 3) *to lawfully assist smb* (art. 3), *to be unlawfully taken* (art. 3); 4) *to be constitutionally mandated* (art. 1), *to be constitutionally imposed* (art. 1).

В МРС реализуются две синтаксические модели, включающие примыкание наречия к прилагательному, а также примыкание наречия к глаголу: Adv + Adj и Adv + V. При этом имеет место использование наречного синонима, а именно *lawfully*. Можно отметить, что разница в семантике в аналогичных прилагательных, подкрепленная синтагматическими связями (ср.: *unlawful act* vs *illegal drug trafficking* – противопоставление имени действия и имени деятельности с учетом процессуального характера последней), в наречных формах снимается. Остается только комбинаторная закреплённость наречия *lawfully* за глагольными лексемами при относительно свободной сочетаемости наречия *legally*, допускающей примыкание как к глаголам, так и прилагательным. Модель с наречием *constitutionally* интересна тем, что по отношению к другим наречиям класса нормативных оценок данное наречие представляет собой реализацию такого механизма номинации, как сужение значения: законный характер действия определяется Конституцией как основным законом государства.

Наречия времени имеют относительный удельный вес в анализируемых нормативных правовых актах, вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что эта группа претерпевает дальнейшее дробление по семантическому критерию. Так, среди наречий времени, типично актуализируемых в текстах нормативных правовых актов, можно выделить следующие группы:

1) со значением регулярности: *to be prepared annually* (Foreword, xi-xii), *to be frequently reprinted* (Foreword, xi), *to be generally consistent with the Court's rulings* (art. 1), *to ordinarily give written notice* (art. 4);

2) со значением одновременности, предшествования или следования во времени: *назначить одновременно несколько мер принудительного воздействия* (ст. 90), *ранее*

*установленные осужденному ограничения* (ст. 53), *быть досрочно освобожденным от отбывания наказания* (ст. 86), *to be subsequently prosecuted* (art. 1), *to be formerly convicted/acquitted* (art. 1), *not to be initially known to smb* (art. 1);

3) со значением относительного времени, определенного контекстом, которое всегда сопряжено со значением актуальности: *оказание медицинской помощи непосредственно после совершения преступления* (ст. 61), *immediately operable* (art. 5);

4) со значением кратности действия: *повторно принять решение* (ст. 88), *повторно учитываться при назначении наказания* (ст. 61);

5) со значением продолжительности действия: *постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства* (ст. 12.1), *to be continuously absent* (art. 1).

Еще один выявленный класс наречий, имеющих модальную семантику, можно разграничить по критерию, лежащему в основании модальной шкалы:

1) модальные наречия со значением необходимости: *necessarily required* (art. 1);

2) модальные наречия со значением возможности: *physically impossible* (art. 1);

3) модальные наречия со значением желательности: *добровольно отказаться от доведения преступления до конца* (ст. 31), *добровольно пройти курс лечения* (ст. 82.1), *добровольно прекратить преступную деятельность* (ст. 110.2), *to voluntarily release the victim alive* (art. 212);

4) модальные наречия со значением достоверности: *причинять лицу явно чрезмерный вред* (ст. 38), *the problem, inevitably posed by the enactment of a new code* (art. 1), *to plainly appear* (art. 1), *to indicate smth explicitly* (art. 4), *manifestly appropriate* (art. 5).

Обращает на себя внимание тот факт, что значения необходимости и возможности, типично проявляющиеся в текстах юридического дискурса, не находят выражения в УК РФ посредством наречий. Последняя группа наречий –

со значением достоверности – допускает дальнейшую дифференциацию: наречия со значением высокой степени вероятности (*inevitably*) и наречия со значением уверенности в достоверности сообщаемого (*явно, plainly, explicitly, manifestly*).

Следующая группа наречий, которые можно отнести к типологическим маркерам дискурса, представлена модификаторами интеллектуальной оценки. При этом в качестве типовых мы выделили такие подзначения:

– оценка силы проявления/интенсивности признака или действия: *обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления* (ст. 63.1), *возместить вред полностью или частично* (ст. 79), *быть освобожденным полностью или частично от отбывания наказания* (ст. 73), *особо тяжкое преступление* (ст. 88), *активно способствовавшее раскрытию и (или) пресечению преступлений* (ст. 110.2), *to vary extensively* (Foreword, xi), *strongly corroborative of smth* (art. 5), *substantially different* (art. 1), *to substantially impair one's capacity to do smth* (art. 4), *to wholly deprive smth of smth* (art. 2), *to sharply restrict smth* (art. 1);

– оценка положения вещей, выражаемая «характеризационными наречиями, именуемыми объективными признаками» (в терминологии Ф.И. Панкова): *условно осужденный* (ст. 88), *отдельно назначать наказание за каждое совершенное преступление* (ст. 69), *сознательно допускать что-либо* (ст. 25), *относиться к чему-либо безразлично* (ст. 25), *to be prosecuted separately/jointly* (art. 5), *to be tried separately* (art. 1);

– оценка степени важности: *общественно полезная цель* (ст. 41), *общественно опасные последствия* (ст. 26), *publicly exhibited* (art. 224), *more importantly, ...* (art. 221). Последний пример выделяется синтаксическим функционированием. В данном случае сравнительная степень наречия является эксплицитным модальным модификатором, который накладывается на пропозицию, формирующую предложение, т. е. служит средством выраже-

ния внешней модальности. Поэтому указанное наречие функционирует как вводный элемент и отделяется запятой.

Проведенный анализ позволил заключить, что именно наречия, выражающие различные подзначения интеллектуальных оценок, часто отражают организацию не только комплексного номинатива, но и сложного синтаксического целого, усиливая информативную перспективу текста [10, с. 334]. Различие в их функционировании в текстах нормативных правовых актов состоит в том, что в этом типе текстов в отличие, например, от публицистических наречия никогда не выполняют функцию вводного элемента, накладывающего субъективную оценку на содержание пропозиции высказывания.

В ходе исследования мы также обратились к анализу именных фраз, которые имеют обстоятельственное значение и, соответственно, могут быть рассмотрены в качестве наречных модификаторов. Примерами таких модификаторов выступают следующие комплексные номинативы в пределах речевых цепочек: *совершить преступление с косвенным умыслом* (ст. 25), *совершить преступление по легкомыслию* (ст. 26), *to do smth with intent to commit a crime* (art. 221), *to specify smth with care* (art. 223). Примеры иллюстрируют общую тенденцию. Речь идет исключительно о характеризационных наречиях, относящихся к глагольной лексеме в составе комплексного номинатива.

Конечно, проведенное исследование дает лишь ограниченные фактические данные, позволяющие сделать предварительные выводы о характерных чертах функционирования разных семантических классов наречий в текстах нормативных правовых актов. Для выявления дискурсивно специфичных черт функционирования наречий необходимо обратиться ко всему спектру признаков дискурса, не только к сфере общения и тематическому репертуару, проявляющемуся в реализации наречных лексем определенных семантических классов. На этом этапе изучения мы посмотрели на два аспекта функционирования наречий: семантику и некоторые валентностные связи. Для подтвержде-

ния обнаруженных закономерностей требуется крупномасштабное исследование, включающее статистический анализ на материале большего числа нормативных правовых актов, а также в сопоставлении с текстами других жанров в рамках юридического дискурса. В этом мы видим перспективы нашего исследования, которое в своей основе будет опираться на выявленные закономерности, а именно: преобладание нареч-

ных модификаторов со значением нормативной оценки, наречий времени, наречных модификаторов, выражающих интеллектуальные оценки, в первую очередь оценку силы/проявления признака, характеристических наречий, наречий со значением степени важности, а также наречных модификаторов с собственно модальными значениями необходимости, возможности, желательности и достоверности.

### Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 дек. 2019 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г.: введ. Федер. законом Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/) (дата обращения: 03.05.2020).
2. Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Philadelphia, PA: The American Law Institute, 1985. URL: <https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code/> (дата обращения: 03.05.2020).
3. Колодяжная В.Н., Трубаева Е.И., Перельгина Т.А. Семантико-этимологические особенности английских наречий, передающих значение неполноты действия или признака // Гуманит. и соц. науки. 2019. № 5. С. 130–136.
4. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
5. Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная система семантических разрядов наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2008. № 4. С. 30–57.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
7. Шаикова В.Н. К вопросу о типологии оценок // Высокие технологии и инновации в науке: материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2018. С. 160–164.
8. Апианова В.М. Дейктические наречия как актуализаторы в английском и русском языках // Вестн. Югор. гос. ун-та. 2006. Вып. 5. С. 5–11.
9. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
10. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2001. 368 с.

### References

1. *Criminal Code of the Russian Federation No. 63-Fz of June 13, 1996*. Available at: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_10699/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/) (accessed: 3 May 2020) (in Russ.).
2. *Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes*. Philadelphia, 1985. Available at: <https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code/> (accessed: 3 May 2020).
3. Kolodyazhnaya V.N., Trubaeva E.I., Perelygina T.A. Semantiko-etimologicheskie osobennosti angliyskikh narechiy, peredayushchikh znachenie nepolnoty deystviya ili priznaka [Semantic and Etymological Peculiarities of English Adverbs Transferring Meaning of Incompleteness of Action or Sign]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 5, pp. 130–136.
4. Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, 1980.
5. Pankov F.I. Funktsional'no-kommunikativnaya sistema semanticheskikh razryadov narechiy (fragment lingvodidakticheskoy modeli russkoy grammatiki) [Functional Communicative System of Semantic Categories of Adverbs (a Fragment of the Linguodidactic Model of Russian Grammar)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 2008, no. 4, pp. 30–57.
6. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988. 341 p.

7. Shashkova V.N. K voprosu o tipologii otsenok [The Question of Evaluation Typology Revisited]. *Vysokie tekhnologii i innovatsii v nauke* [High Technology and Innovation in Science]. St. Petersburg, 2018, pp. 160–164.

8. Apshanova V.M. Deykticheskie narechiya kak aktualizatory v angliyskom i russkom yazykakh [Deictic Adverbs as Agents of Actualization in the English and Russian Languages]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 5, pp. 5–11.

9. van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, 2000. 308 p.

10. Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, 2001. 368 p.

DOI: 10.37482/2227-6564-V018

**Valentina N. Shashkova**

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia;  
ul. Ignatova 2, Orel, 203027, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0977-3061> e-mail: valentina.shash@mail.ru

## SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF ADVERBS IN REGULATORY LEGAL ACTS

This article elicits the specificity of functioning of adverbs in the texts of regulatory legal acts which can be regarded as a discourse marker of a text. The basis of the research is the thesis that the sphere of communication, in which the texts of the analysed profile function, predetermines their language features. Adverbs, being a typical means of expressing evaluative meanings, have stable correlations with the type of discourse and the genre of the text. According to the results of the research, the legal sphere of communication and texts of regulatory legal acts as its part are a medium for discourse-specific modifiers, which are adverbs with the meaning of normative evaluation, adverbs with the meaning of time, adverbs with modal meanings proper, among which epistemic modality with its sub-meanings dominates, as well as adverbs expressing intellectual evaluation. Within the semantically heterogeneous class of adverbs of intellectual evaluation, microgroups were singled out with the meanings of evaluation of the strength/intensity of the attribute or action, evaluation of the state of affairs, and adverbs expressing an assessment on the scale of importance. The analysis allowed the author to conclude that the general classes of adverbs found in the Criminal Code of the Russian Federation and the Model Penal Code of the United States are identical; however, mismatches were identified within the sub-categories of meanings and adverbs expressing them. For instance, the meaning of necessity is repeatedly expressed by adverbs in the Model Penal Code of the United States, while no examples of this kind were found in the Criminal Code of the Russian Federation. The research also revealed selectivity of adverbs in terms of collocation, manifested in the combinatorial adherence of adverbial lexemes to verbs. Taken together, the identified properties can serve as guidelines for researchers who specialize in analysing the speech functioning of the studied class of lexemes and complex nominatives in different genres of legal discourse.

**Keywords:** *Criminal Code of the Russian Federation, US Model Penal Code, regulatory legal act, legal discourse, adverbial modifier.*

Поступила: 04.01.2020

Принята: 02.04.2020

Received: 4 January 2020

Accepted: 2 April 2020

---

**For citation:** Shashkova V.N. Specificity of Functioning of Adverbs in Regulatory Legal Acts. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 3, pp. 41–47. DOI: 10.37482/2227-6564-V018